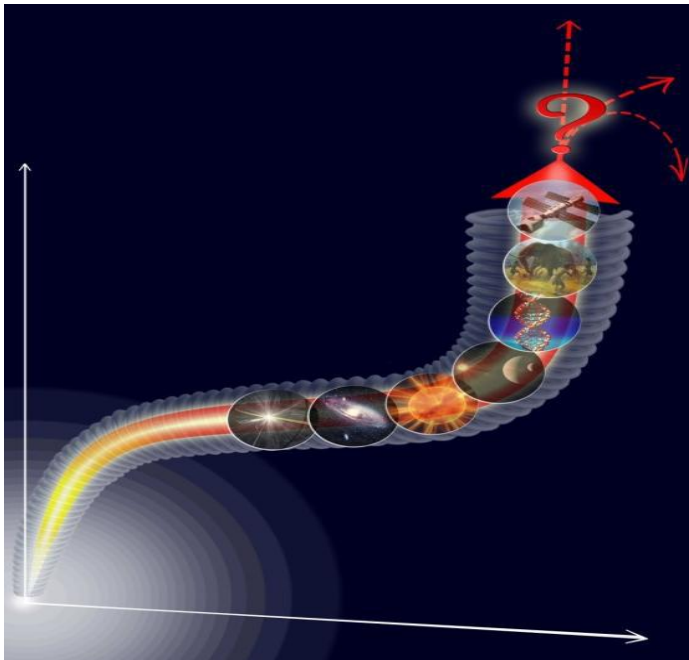

Семинар 10. Общество как развивающаяся система

ФИЛОСОФИЯ

(дневное отделение)

Кузнецов Виталий Владимирович

Семинар 10. Общество как развивающаяся система

Оглавление

1. Формационный и цивилизационный подходы в философии истории..	2
2.1. Проблема источников и движущих сил социальной динамики	12
2.2. Линейные и нелинейные интерпретации исторического процесса (текст из книги «Нелинейная Вселенная» Л.В. Лескова)	19
3. Природа социальных противоречий. Эволюция и революция в общественной динамике	26
4. Проблема субъекта и движущих сил исторического процесса. Роль народных масс и личности в истории. Концепции элит	28

*** *** ***

1. Формационный и цивилизационный подходы в философии истории

Вопросы и задания:

1. В чем заключаются характерные черты формационного и цивилизационного подходов в философии истории?

Одной из центральных проблем социальной философии является вопрос о выборе методологической стратегии описания и объяснения реального исторического процесса и форм

взаимодействия в нем различных этносов, наций, государств. На статус таких стратегий претендуют различные методологические подходы: исторический, культурологический, позитивистский, мир-системный и другие. Но особое место среди них занимают формационный и цивилизационный подходы.

К середине XIX в. идея стадияльно-эволюционного развития истории и ее восхождения по закономерным этапам «лестницы прогресса» приобрела статус одной из основных концептуальных схем в западной социальной философии. Она была творчески переосмыслена К. Марксом и легла в основу его версии формационного подхода к истории.

Согласно классикам марксизма, единство всемирно-исторического процесса реализуется в последовательной и прогрессивно направленной смене общественно-экономических формаций. Общественно-экономическая формация не только фиксирует определенную ступень в историческом развитии, но и выражает сущностные характеристики конкретно-исторического типа социума в его целостности и структурно-функциональной организации. Согласно К. Марксу, формация представляет собой теоретический конструкт, позволяющий корректно *обосновать материалистическое понимание истории* и осуществить концептуальный анализ структуры и динамики общества.

В основе формационного подхода к истории лежат следующие принципы:

1. Принцип единства исторического процесса, предполагающий наличие в любом обществе универсальных характеристик, составляющих содержание его материальных и идеальных компонентов, а также форм их взаимодействия.

2. Принцип исторической закономерности, согласно которому история не есть конгломерат случайностей, а в ней действуют объективные законы, фиксирующие общие, устойчивые, повторяющиеся и существенные связи и отношения между людьми и результатами их деятельности.

3. Принцип детерминизма, утверждающий наличие причинно-следственных связей и зависимостей между материально-экономическими и духовно-нравственными, социально-политическими аспектами общественной жизни.

4. Принцип прогресса, постулирующий приоритетность поступательного развития истории, в результате которого каждая последующая формация оказывается более высокой и совершенной в сравнении с предшествующей.

Основу общественно-экономической формации, по К. Марксу, составляет определенный *способ производства*, являющийся фундаментом общественной жизни. В знаменитой работе «К критике политической экономии. Предисловие» К. Маркс излагает сущность материалистического понимания истории: «способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание»¹.

Основу *способа производства* составляют *производительные силы* и *производственные отношения*. В производительные силы любого конкретно-исторического типа общества входят средства производства, важнейшим элементом которых являются орудия труда (техника), и сами люди как решающий фактор производственного процесса и определяющий компонент производительных сил в целом. Производственные отношения – это особый тип общественных отношений между людьми, которые возникают непосредственно в процессе производства, распределения, обмена и потребления материальных благ. Центральное место среди них занимают отношения собственности на средства производства. Совокупность производственных отношений составляет «экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания»¹.

Согласно формационной концепции К. Маркса, над экономическим базисом надстраиваются политические, правовые и

иные социальные отношения и учреждения, которым в свою очередь соответствуют определенные формы общественного сознания: мораль, религия, искусство, философия, наука и т. д. Все эти отношения и формы сознания К. Маркс называет надстройкой, основным элементом которой является государство. В этом взаимодействии базиса и надстройки, безусловно, определяющую роль выполняет экономический базис, хотя надстройка может оказывать на него обратное влияние.

Разработанный К. Марксом формационный подход позволяет убедительно обосновать перспективные решения еще нескольких важнейших проблем социальной философии. К ним в первую очередь следует отнести: проблему типологии исторических этапов в развитии общества; проблему рационального объяснения механизмов социодинамики и закономерной смены этих этапов. В работе «К критике политической экономии. Предисловие» в 1859 г. К. Маркс в рамках концепции материалистического понимания истории формулирует в качестве критерия формационного членения истории способ производства материальной жизни. Исходя из этого критерия, история, по К. Марксу, проходит несколько закономерно сменяющих друг друга стадий, или общественно-экономических формаций: рабовладельческую (античную), феодальную, буржуазную, коммунистическую.

Однако формационный подход к истории имеет не только очевидные заслуги, но и определенные недостатки. К ним можно отнести следующее:

1) европоцентристский характер формационной модели, которая оставляет без должного внимания особенности и специфический опыт восточных обществ;

2) достаточно явное игнорирование в этой модели субъективно-личностного измерения исторического процесса, а вместе с ним и широкой совокупности духовных и социокультурных факторов общественного развития;

3) последовательную смену общественно-экономических формаций Маркс и Энгельс рассматривали как «естественно-исторический процесс», независимый от сознания и намерений людей, косвенно уподобляя его тем самым объективным законам природы.

Над дальнейшей разработкой и согласованием отдельных фрагментов данной концепции трудились несколько поколений марксистов, стремившихся, с одной стороны, устранить ее внутренние противоречия, а с другой – дополнить ее, обогатив новейшими открытиями. В связи с этим среди самих марксистов происходили острые дискуссии по самым различным темам – достаточно назвать хотя бы тему «азиатского способа производства», «развитого социалистического общества» и т. п.

За столетие, прошедшее после жизни Маркса и Энгельса, наши знания о всемирной истории человечества неизмеримо расширились и умножились: они углубились с 3 до 8–10 тысячелетий до нашей эры, включили в себя неолитическую революцию, а также распространились практически на все континенты. История человечества перестала вмещаться в представления о развитии общества как смене формаций. В качестве примера можно сослаться на историю средневекового Китая, где хорошо были знакомы с компасом и порохом, изобрели бумагу и примитивное книгопечатание, где в хождении были бумажные деньги (задолго до Западной Европы), где китайский адмирал Чен Хо в начале XV века совершил шесть плаваний в Индонезию, в Индию, в Африку и даже в Красное море, не уступавших по масштабам будущим путешествиям европейских мореплавателей (что, однако, так и не привело к появлению капитализма).

Таким образом, формационный путь развития человечества отнюдь не объясняет все сложные перипетии поступательного развития общества.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод о существовании определенной философско-методологической ограниченности формационного подхода.

Многие историки и философы стали искать объяснения своеобразного развития не только отдельных стран и регионов земного шара, но и истории человечества в целом. Так в XIX веке зародились и получили широкое распространение идеи цивилизационного пути развития общества, вылившиеся в концепцию многообразия цивилизаций. Одним из первых мыслителей, разработавших концепцию всемирной истории как совокупности самостоятельных и специфичных цивилизаций, которые он называл культурно-историческими типами человечества, был русский естествоиспытатель и историк Н.Я. Данилевский (1822–1885). В своей книге «Россия и Европа» (1871), стараясь выявить различия между цивилизациями, которые он рассматривал как своеобразные, несовпадающие культурно-исторические типы человечества, он хронологически выделял следующие сосуществовавшие во времени, а также сменявшие друг друга типы организации социальных образований: 1) египетский, 2) китайский, 3) ассиро-вавилонский, 4) халдейский, 5) индийский, 6) иранский, 7) еврейский, 8) греческий, 9) римский, 10) новосемитический, или арабийский, 11) романо-германский, или европейский, к которым добавлял две цивилизации доколумбовой Америки, разрушенные испанцами. Ныне, считал он, на всемирно-историческую арену приходит русско-славянский культурный тип, призванный благодаря своей вселенской миссии воссоединить человечество. Книга Н.Я. Данилевского стала манифестом позднего славянофильства и вызвала в конце XIX века широкую и острую полемику среди таких видных представителей общественной мысли России, как В.С. Соловьев, Н.Н. Страхов, Ф.И. Тютчев, К.Н. Бестужев-Рюмин и другие.

Многие идеи Данилевского в начале XX века воспринял немецкий историк и философ Освальд Шпенглер (1880–1936), автор двухтомной работы «Закат Европы».

«Закат Европы» (в буквальном переводе «Закат стран Запада», в 2-х томах, 1918– 1922) принес Шпенглеру всемирную известность, ибо был издан непосредственно после Первой мировой войны, повергшей Европу в руины и вызвавшей рост двух новых «заокеанских» держав – США и Японии. За несколько лет вышло 32 издания книги на основных мировых языках (в том числе два в России; к сожалению, тогда был опубликован перевод только первого тома – в 1922 году в Москве и в 1923 году в Петрограде). Книга вызвала многочисленные, в основном восхищенные отклики выдающихся мыслителей по обе стороны Атлантики.

В своей книге Шпенглер выделял 8 высших культур, перечисление которых в основном совпадает с культурно-историческими типами Данилевского (египетская, индийская, вавилонская, китайская, греко-римская, византийско-арабская, западноевропейская, майя), а также предвосхищал расцвет русской культуры. Он проводил различие между культурой и цивилизацией, усматривая в последней лишь упадок, последнюю фазу развития культуры накануне ее гибели, когда творчество сменяется имитацией нововведений, их измельчением.

Интерпретация Шпенглером как всемирной истории, так и истории отдельных составляющих ее культур-цивилизаций носит фаталистический характер. Даже отдельные сосуществующие во времени или сменяющие друг друга культуры герметически изолированы друг от друга, ибо в их основании лежат различные, чуждые друг другу представления о мире, красоте, призвании человека и т. д. Их развитие предопределено не рациональной причинностью, а судьбой. Каждой культуре отведен определенный лимит времени от зарождения до упадка – примерно тысяча лет. Даже формальное сходство в архитектурном стиле и иных внешних воплощениях разных культур не отрицает их содержательной противоположности, как, например, между античной магией и современной наукой. Западная культура покоится на «фаустовском»,

научно-познавательном отношении к миру и исчерпывает себя, убеждаясь в бессилии науки по отношению к природе.

Концепция Шпенглера, как и концепция Данилевского, привлекает к себе внимание ученых тем, что выделяет многообразие в истории человечества, обращает внимание на роль духовных традиций в формировании общества, на активную роль, нередко и первичную, сознания, обычаев и нравов в исторических событиях.

Дальнейшее развитие теория цивилизаций получила в творчестве английского историка А.Дж. Тойнби (1889–1975). По крайней мере с середины XX века его работы оказывали значительное влияние не только на академические круги, но и на общественное и политическое сознание стран Запада и «третьего мира».

В процессе разработки концепции цивилизаций теоретические взгляды Тойнби претерпели значительную эволюцию и в некоторых положениях даже своего рода метаморфозу. Это объясняется двумя обстоятельствами: с одной стороны, сама эта концепция была изложена им в двенадцатитомном труде «Исследование истории», который публиковался на протяжении почти трех десятилетий – с 1934 по 1961 год, а затем вплоть до самой смерти автор во многих книгах постоянно возвращался к этой теме; разумеется, на протяжении почти всей своей творческой жизни Тойнби непрерывно обогащал свою теорию новыми положениями. С другой стороны, само время жизни Тойнби совпало с грандиозными политическими и социальными преобразованиями в истории человечества – Второй мировой войной и «холодной войной», освобождением большинства народов от колониальной зависимости, возникновением глобальных проблем, то есть с событиями, требовавшими глубокого постижения и переосмысливания всей предшествовавшей истории. И именно эта эволюция взглядов английского историка придает особую ценность его концепции цивилизаций.

В первых томах своего исследования Тойнби придерживался таких представлений о цивилизациях, которые во многом были сходны с концепцией Шпенглера: он подчеркивал разрозненность

цивилизаций, их независимость друг от друга, не позволяющую объединить их уникальную историю во всеобщую историю человечества. Тем самым им отрицался общественный прогресс как поступательное развитие человечества. Каждая цивилизация существовала отведенный ей историей срок, хотя и не столь predetermined, какой отводил своим культурам Шпенглер. Движущей силой развития цивилизаций была диалектика вызова – ответа. Пока творческое меньшинство, управляющее развитием цивилизации, ее элита, было способно давать удовлетворительные ответы на внутренние и внешние угрозы ее самобытному росту, цивилизация укреплялась и процветала. Но стоило элите по каким-либо причинам оказаться бессильной перед очередным вызовом, как происходил непоправимый надлом: творческое меньшинство превращалось в господствующее меньшинство, ведомая им основная масса населения трансформировалась во «внутренний пролетариат», который своими силами или же в союзе с «внешним пролетариатом» (варварами) ввергал цивилизацию в упадок и гибель. Цивилизация при этом не исчезала бесследно; сопротивляясь упадку, она порождала «универсальное государство» и «универсальную церковь». Первое исчезало с гибелью цивилизации, тогда как вторая становилась своеобразной «куколкой»-наследницей, способствующей появлению новой цивилизации. Первоначально, в первых десяти томах, Тойнби выделял девятнадцать самостоятельных цивилизаций с двумя ответвлениями: египетская, андская, китайская, минойская, шумерская, майя, индская, хеттская, сирийская, эллинистическая, западная, православная, дальневосточная, иранская, арабская, индуистская, вавилонская, юкатанская, мексиканская; к дальневосточной примыкало ее ответвление в Японии, а к православной – ответвление в России. Кроме того, упоминалось несколько задержанных в своем развитии цивилизаций и несколько abortивных.

Среди этих цивилизаций выделялись как «родственные», связанные друг с другом «куколкой – универсальной церковью», так и

полностью изолированные. Но даже «родственные» цивилизации отличались друг от друга системами господствующих в них социальных и моральных ценностей, преобладающими обычаями и нравами. Хотя цивилизации, согласно Тойнби, являются несовместимыми и исторически не воспринимают друг друга в качестве предшественников и последователей, тем не менее их связывают одинаковые вехи развития и ключевые события, благодаря чему на основании уже свершивших свой цикл развития цивилизаций можно предвосхищать еще предстоящие события в существующих цивилизациях: скажем, предстоящий надлом, «смутное время», становление «универсального государства» и даже исход борьбы между изначальным центром и периферией и т. п.

Впоследствии Тойнби постепенно отходит от изложенной выше схемы. Всемирная история стала приобретать в концепции Тойнби общечеловеческий характер: циклы последовательных поколений цивилизаций представляли в виде вращающихся колес, продвигающих человечество ко все более глубокому религиозному постижению своего призвания: от первых мифологических представлений к языческим религиям, а затем к синкретическим религиям (христианству, исламу, буддизму и иудаизму). В современную эпоху, по Тойнби, назрела необходимость дальнейшего экуменического религиозного и нравственного единства человечества в солидарном для всех религий (включая коммунизм, рассматривавшийся им также как одна из мировых религий) и спасительном в условиях экологического кризиса пантеизме.

Таким образом, теория цивилизаций в поздних работах Тойнби и его многочисленных последователей постепенно тяготела к универсальному объяснению всеобщей истории, к сближению, а в перспективе (несмотря на дискретность, вносимую развитием отдельных цивилизаций) – к духовному и материальному единству человечества.

Таким образом, неверно было бы категорически противопоставлять цивилизационный путь развития человечества

формационному, ибо оба эти подхода ко всемирной истории не столько отрицают, сколько дополняют друг друга. Концепция цивилизаций позволяет постигнуть историю крупных регионов земного шара и больших периодов в их специфическом многообразии, ускользающем при формационном анализе, а также избежать экономического детерминизма, выявить во многом определяющую роль культурных традиций, преемственности нравов и обычаев, особенности сознания людей в разные эпохи. В свою очередь формационный подход при правильном и осторожном его применении может пролить свет на социально-экономическую периодизацию в развитии отдельных народов и человечества в целом. Современная историческая наука и философия сейчас как раз находятся в поисках наиболее плодотворного сочетания обоих этих подходов с целью определения специфики современной цивилизации, ее исторического места во всемирной истории и наиболее многообещающего приобщения к достижениям складывающейся в нашу эпоху планетарной, общечеловеческой цивилизации.

2.1. Проблема источников и движущих сил социальной динамики

Вопросы и задания:

1. Каковы основные подходы к решению проблемы источника исторического процесса?
2. В чем состоят особенности ключевых факторов социальной динамики?

Почему общество развивается? Какие импульсы порождают социальные изменения? Что определяет смену исторических эпох? Иными словами, что является источником социальной динамики?

Еще в античности Парменид и Гераклит задали один из главных вопросов философии – вопрос о состоянии мира. Парменид утверждал, что бытие неподвижно, вечно и неизменно. Гераклит же отстаивал идею диалектического развития мира, фундаментом которого является взаимосвязь противоположностей: света и тьмы, легкости и тяжести и др. Противоположности находятся во взаимопроникновении и борьбе, противоречие между ними – естественное следствие их существования. Общество также пронизано противоположностями, в качестве которых выступают движущие силы социодинамики: отдельные люди, социальные общности и группы с различными потребностями, интересами и целями. Поэтому, если экстраполировать положения диалектической концепции на общество, можно сделать вывод о том, что источником общественного развития выступает социальное противоречие, борьба между субъектами исторического процесса за реализацию своих интересов и достижение поставленных целей посредством предпринимаемых социальных действий.

Можно выделить *три основных подхода* к решению проблемы источника исторического процесса.

1. *«Борьба»: абсолютизация роли социальных противоречий.* В философии марксизма особое значение придается двум типам социально-классовых противоречий: антагонистическим, характерным для отношений между социальными группами, коренные интересы и цели которых исключают друг друга, и неантагонистическим, имеющим временный и непринципиальный характер, а потому преодолеваемым ненасильственным путем. Этот подход основывается на признании ведущей роли в обществе антагонистических противоречий, развитие которых может идти только «по возрастающей» и разрешаться в острой, конфликтной форме. В классическом марксизме он получил выражение в интерпретации исторического процесса как смены общественно-

экономических формаций, в котором субъектами выступают «основные классы» (рабы/рабовладельцы, крестьяне/феодалы, пролетариат/буржуазия). Борьба между ними ведет к социальной революции, означающей смену устоев общества, и к переходу к новой формации.

Данный методологический подход характерен также для концепции немецкого политолога К. Шмитта, рассматривавшего политические процессы через призму противодействия «друзья/враги», и ряда других концепций, в которых мир предстает как биполярная реальность. В них оценочные характеристики действующих сил дифференцируются на «свое и чужое», «ось зла и мировая демократия», т. е. являются монохромными и, как следствие, радикальными. Неслучайно политические, религиозные и экологические движения современности, разделяющие этот теоретический подход, отличаются бескомпромиссностью и радикализмом своих действий (от исламского фундаментализма до экологического экстремизма и анархизма).

2. *«Единство»: идеал солидаризма.* Вторым подход связывает источник развития общества не с борьбой противоположностей, а с их консолидацией, артикулируя положение: «единство противоположностей абсолютно, а борьба относительна». Такой подход типичен для концепций, разделяющих установку не на борьбу, а на достижение консенсуса всех участников взаимодействия на основе общего ориентира (прежде всего материального процветания общества, максимально использующего результаты научно-технического прогресса), который составляет источник общественного развития.

В XIX в. солидаризм получил развитие в концепциях О. Конта, Г. Спенсера, Э. Дюркгейма. Г. Спенсер, являющийся одним из родоначальников позитивизма и создателей социологии как науки, говорит о двух основных исторических типах общества: военном и промышленном, развитие которых определяется

солидаристскими отношениями между составляющими их социальными общностями. Однако если в первом случае интеграция основана на принуждении к солидарности, то во втором – на добровольном согласии при осознании членами этих сообществ его прогрессивного значения. В XX в. идеи солидаризма нашли выражение в школе структурного функционализма. Так, Т. Парсонс абсолютизирует состояние гармонии между подсистемами социума и рассматривает любой конфликт как дисфункцию, ведущую к дестабилизации общества, что является негативным явлением.

3. *«Конфликт»: установка на разрешение противоречий как естественный для общества процесс.* Третий подход предполагает преодоление крайностей в интерпретации статуса социальных противоречий, присущих первым двум вариантам: как тотальности конфликта, так и полной бесконфликтности в процессе социодинамики. Первые концептуальные разработки этого решения возникли в начале XX в. в чикагской школе социальной экологии. Один из ее основателей Р. Парк характеризует социальный конфликт как необходимый, но только промежуточный этап социального взаимодействия. Согласно ему, можно выделить четыре вида социальных взаимодействий, которые связаны временной последовательностью: *соревнование* (конкуренция) как форма борьбы за существование в обществе (1) способно перерасти в *социальный конфликт* (2), который благодаря *ассимиляции* (3) разрешается и сменяется *приспособлением* (4), означая установление в обществе отношений сотрудничества и социального спокойствия. Таким образом, у Р. Парка социальный конфликт – частный случай социального взаимодействия, а целью общественного развития является гражданский мир.

Дальнейшее развитие данный подход получил в *концепции социального конфликта* (Л. Козер, Р. Дарендорф и др.).

Американский социолог Л. Козер, например, говоря о том, что любое общество содержит элементы напряжения и потенциального конфликта, квалифицирует социальный конфликт как важнейшее звено социального взаимодействия, способствующее разрушению или укреплению социальных связей. Последнее обстоятельство зависит от типа общества. В «закрытых» (ригидных) обществах конфликты разделяют общество на две враждебные группы и, разрешаясь через революционное насилие, ведут к разрушению сложившихся социальных связей. В «открытых» (плюралистических) обществах им дают выход, а социальные институты оберегают стабильность социальной системы. Ценность конфликтов в «открытом» обществе заключается в предотвращении окостенения социальной системы и открытии возможности для нововведений, инноваций.

Близкие идеи развивает немецкий философ и социолог Р. Дарендорф. Он предостерегает от попыток подавлять конфликты, ибо, будучи естественным для общества явлением, конфликты обязательно проявят себя, но в более острой форме. Нужно контролировать и направлять их развитие, не давая возможности местному, локальному конфликту разрастись до глобального уровня, грозящего «взорвать» систему изнутри. Отслеживание и регуляция противоречий и конфликтов частного группового характера является условием контролируемой эволюции, сохраняющей стабильность социальной системы в целом. Только в этом случае конфликты (и их разрешение) имеют позитивное значение и становятся одним из двигателей социального прогресса. Согласие же – нормальное состояние общества, в котором единство общих интересов, целей и, главное, социальных действий противоборствующих субъектов исторического процесса составляет источник общественного развития.

Основные факторы социальной динамики (объективные факторы, которые определяют развитие общества).

Геоклиматический фактор связан с идеей влияния на характер и темпы развития народов и человечества в целом размера занимаемой территории, географического расположения, климата, рельефа местности, удаленности или близости к коммуникативным (торговым, транспортным, культурным) путям и т. п.

Интерес к раскрытию влияния климата отмечается еще у древних греков. Аристотель связывал достижения древнегреческой цивилизации с тем, что Греция расположена не в жарком или холодном, а в умеренном климатическом поясе, который обеспечивает гармонию ее развития. В XVI в. Ж. Бодён отмечает склонность северных народов, живущих в холоде, к ремеслу, а южан – к искусству, подчеркивая при этом, что жители регионов с умеренным климатом отличаются гармоничным развитием всех начал, и именно в «средней зоне» расцветали величайшие империи. В Новое время Ш. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо, А. Геттнер, а в XX в. А. Богданов, И. Ильин обращают внимание на существование определенной связи между размером территории государства и существующей в нем формой правления (обширная территория – монархическое или деспотическое правление, требующее централизованной власти, а небольшая территория – республиканская форма правления и демократия). И. Мечников и А. Уемов разрабатывают «водную» версию влияния географического фактора на становление и развитие цивилизаций (роль «великих рек» в возникновении древних цивилизаций Востока, затем – факторов морского и океанского сообщения). В XIX в. немецкий географ Ф. Ратцель закладывает основы геополитики («география как судьба»), которая прямо связывает межгосударственную политическую активность и противодействие различных социально-политических блоков с территориальным фактором, а в XX в. в разработках Р. Челлена, К. Хаусхофера,

Х. Маккиндера геополитика обретает статус институционального знания.

Составляющими *демографического фактора* выступают численность населения, плотность расселения, баланс по половому и возрастному признакам (известно, что население планеты, прежде всего развитых стран, стареет, что создает проблемы с воспроизводством его работоспособной части), соотношение численности городских и сельских жителей и т. д. Эти составляющие неравноценны. Так, хотя численность населения страны важна, она отнюдь не определяет наличие у нее статуса великой державы, – последний является не демографической, а социокультурной характеристикой. Однако ряд других параметров действительно свидетельствует о степени динамизма общества, ибо связан с индустриальными и модернизационными процессами современности. Например, уровень рождаемости – с различными условиями жизни, традициями и другими ценностными ориентациями, уровень детской смертности – с проблемами материального обеспечения и социальной защиты населения, средняя продолжительность жизни, уровень смертности и, в частности, динамика суицида – с социально-психологическим климатом в обществе и его социально-экономическим состоянием, социальная мобильность и маргинализация – с «открытостью» общества и степенью его демократизации.

Влияние *технико-технологического фактора* на развитие общества, особенно современного, сказывается, как минимум, в трех аспектах. Во-первых, в воздействии техники на содержание и темпы социодинамики. Техника являлась и является мощным стимулом развития не только производственной и экономической, но и других важнейших сфер общественной жизни. Во-вторых, во влиянии технологий на образ жизни человечества и его деятельность. В-третьих, в формировании особого стиля

мышления, получившего широкое распространение в современном мире – технократического мышления.

Среди других факторов обычно называют производственно-экономический, политический, национально-психологический, культурно-исторический, в котором иногда специально выделяют моральный, религиозный и т. д. Важно другое – оценка статуса того или иного из названных факторов в социально-историческом развитии общества. В зависимости от нее принято говорить об однофакторном и многофакторном подходах в решении рассматриваемой проблемы. Если в первом случае какому-либо из факторов придается решающее значение, то во втором признается их относительная равноценность и комплексный характер влияния на исторический процесс.

*** **

2.2. Линейные и нелинейные интерпретации исторического процесса (текст из книги «*Нелинейная Вселенная*» Л.В. Лескова)

Леонид Васильевич Лесков (1931–2006) – российский учёный-энциклопедист, доктор физико-математических наук, профессор философского факультета МГУ, разработчик и руководитель ряда направлений российской космонавтики.

Вопросы и задания:

1. Что собой представляют линейные и нелинейные интерпретации исторического процесса?
2. Каковы основные принципы и особенности нелинейной концепции исторического времени?

Античной философии была свойственна идея *циклического хода времени*. Концепция цикличности, постоянного и неотвратимого круговорота космической истории вообще и

человеческой истории в частности, хорошо прослеживается и в *восточной философии*.

Однако для античного мировоззрения важна не только идея цикличности мирового процесса, но и принцип неизбежной и *предзаданной череды исторических событий* с представлением о последовательной смене общественных состояний, *протекающей в линейном времени* (Платон и др. были сторонниками концепции цикличности). *Крах концепции циклического времени* был предопределен самим ходом исторических событий – падением Римской империи.

Конец *средневековому эсхатологическому* взгляду на *историческое время* положило наступление эпохи *Возрождения*. На смену универсалиям Града небесного пришли идеи гуманизма.

Новый подход к исторической перспективе был развит в трудах Ф. Петрарки (1304–1374), в которых укладывалась идея чередующихся исторических циклов. Исторический процесс приобретал характер *колебаний маятника* — добродетельные и порочные лики времени последовательно сменяли друг друга (влияние представлений о неизменности человеческой природы, впитавшей противостоящие полюсы первозданного добра и зла, порожденного грехопадением).

Возрождается идея вечного круговорота времени (Помпонацци, Вико). Одним из первых, кто попытался представить историю как *закономерный процесс* был *Джамбаттиста Вико* (1668–1744). В человеческой истории он выделял три последовательно сменявшие себя стадии: «век богов» (догосударственную стадию), «век героев» (период господства аристократии и борьбы ее с плебейством) и «век разума», т. е. собственно человеческую стадию, когда господствует развитый человеческий разум, демократическое правление, расцветают города. В дальнейшем, считал Вико, наступает упадок, возвращение к варварству, и все начинается сначала.

Переходя к эпохе *Просвещения*, отметим заслуги *Ш. Монтескьё*, распространившего принцип детерминизма на исторические явления и процесс становления общества. Другая основополагающая идея большинства всех последующих концепций историцизма принадлежит *М. Кондорсе*, который утверждал, что причиной изменения общества является *прогресс разума человека*.

В начале XIX в. *О. Конт* использовал обе идеи — жесткого исторического детерминизма и неостановимо восходящего научно-технического прогресса, положив их в основу концепции *циклического развития общества*, сопровождаемого инновациями. Проходя последовательные этапы эволюции, человеческое общество в конце концов неизбежно достигает стадии социального совершенства.

Альтернативную концепцию исторического времени предложил современник Конта Г. Гегель. Историческое время в этом понимании есть не что иное, как земное отражение циклоидального самодвижения мирового духа, который в конце истории неизбежно возвращается к самому себе. Социальным результатом этого «конца истории» оказывается становление государства авторитарного типа.

При полном различии исходных предпосылок концепции Гегеля и Конта сходятся в одном: течение *всемирно-исторического времени строго детерминировано и ориентировано в направлении некоего идеала* общественного состояния. Объединяет эти концепции и сведение к минимуму роли отдельного человека в истории: смысл исторического времени оказывается вовсе не в человеке, а в самой истории.

Используя разработанную Гегелем систему диалектики, *К. Маркс совершил «коперниканский» переворот в осмыслении проблемы исторического времени*. После его работ в общественные науки вошел постулат о первичности экономических отношений в

жизни общества, о жизненных потребностях людей в системе производственных отношений как реальном базисе социальной структуры общества в ее историческом самодвижении.

При этом Маркс ищет возможность устранить определенные противоречия собственной теории. Чтобы снять противоречие между свободой и равенством, Маркс предлагает собственную формулу гармонического развития личности: *«свободное развитие каждого является условием свободного развития всех»*. Несомненно, это шаг в нужном направлении. К сожалению, второй шаг — образ человеческой ассоциации, в условиях которой этот принцип будет реализован, — совершить ему не удалось. Однако он предчувствовал, что движение в этом направлении исторически неизбежно. Именно уверенность в этом позволила Марксу провозгласить, что тот «конец истории», который он имел в виду, будет означать не что иное, как «скачок из царства необходимости в царство свободы».

Следующий важный шаг в раскрытии природы исторического времени связан с работами русских *циклистов* Н.Я. Данилевского и К.Н. Леонтьева, идеи, которых несколько десятилетий спустя были повторены О. Шпенглером и А. Тойнби. Согласно этим идеям провозглашалось отрицание всемирно-исторического процесса и постулировалось расщепление исторического времени на автономные темпоральные ветви. Логическим завершением такого подхода стала *теория локальных цивилизаций*, развитие которых осуществляется в соответствии с циклоидальными закономерностями.

Этими работами было завершено *формирование современных альтернативных базовых концепций исторического времени, основанных на линейном приближении*.

Если оставить в стороне устаревшее представление о круговом течении времени, восходящее к первоначальным мифам,

то все многообразие известных вариантов сводится к трем основным типам:

1. Циклоидальный с инновациями, исторический паттерн.
2. Пропорционально-прогрессивный паттерн.
3. Кусочно-непрерывный комплекс автономных циклоидальных паттернов.

Эта классификация структурных типов исторического времени лежит в основе современных концепций исторического развития – *формационной, модернизационной и цивилизационной*.

Вместе с тем следует отметить, что в *современных исследованиях базовые модели исторического времени* чаще используются не в чистом виде, а как те или иные их *комбинации*. Эти модели, сформировавшиеся в итоге более чем двухтысячелетних исследований, вошли в качестве существенного элемента во многие научные дисциплины – философию истории, историографию, теорию экономики, социологию, политологию и др.

Важнейшая задача современности — *прогноз грядущего хода человеческой истории перед грозной опасностью надвигающейся глобальной катастрофы*. Предсказание будущего оказывается возможным только в том случае, если выявлены наиболее общие факторы, определяющие ход исторических процессов. А решение этой задачи в свою очередь предполагает априорный выбор соответствующей модели исторического времени.

Именно в этом пункте возникает серьезная проблема. С точки зрения *теории самоорганизующихся систем* человеческое общество следует рассматривать как открытую систему с нелинейными обратными связями. Открытый характер системы определяется наличием встречных потоков энергии, вещества и информации, определяющих ее взаимодействие с окружающей

средой. Эволюционный процесс таких систем по необходимости оказывается **нелинейным**.

Данный нелинейный процесс сопровождается многочисленными флуктуациями, возникновением неустойчивостей и попятных движений, чередующихся с периодами стагнации. Прогрессивное развитие системы прерывается кризисами: войны, социальные и политические перевороты, научно-технические революции, религиозные и идеологические преобразования, природные катастрофы и т.п.

Ход исторического времени утрачивает монотонное, линейное течение, которое только и могло бы сделать надежным эволюционный прогноз, основанный на экстраполяции.

Принципы синергетической рациональности позволяют совершить переход к качественно новому способу теоретического отображения исторических процессов — **нелинейной концепции исторического времени**.

К основным принципам и особенностям этой концепции относятся следующие.

Ход нелинейных исторических процессов цикличен: периоды относительно устойчивого развития — аттракторы — сменяются бифуркациями, иными словами, кризисами, после которых неизбежно *возникает целый спектр виртуальных альтернативных сценариев*.

Фундаментальным свойством системы в режиме аттрактора является *влияние будущего на настоящее*. В этом состоянии система активно сопротивляется переменам и стремится устойчиво воспроизводить свои традиционные функции и структуру. Таким образом, в отличие от классического приближения поведение нелинейных социальных систем определяется не только их прошлой историей, но и будущим.

Первая особенность эволюции социальных систем в приближении *нелинейного исторического времени*: расщепление

исторической траектории *на ряд альтернативных эволюционных сценариев в зоне бифуркации.*

Вторая особенность эволюции социальных систем в зоне бифуркации: *фундаментальная роль второстепенных факторов, случайностей.*

Третье свойство нелинейной концепции исторического времени состоит в том, что *альтернативные сценарии*, лежащие в виртуальном эволюционном пространстве в области, которая примыкает к бифуркации, существенно различаются, а *их число в случае социальных систем не очень велико.* Эта особенность нелинейного исторического процесса объясняется тем, что аттракторы, даже оставаясь виртуальными, сохраняют потенциальную устойчивость.

Четвертая особенность бифуркации состоит в том, что в силу фундаментальной роли случайных факторов последующий *ход исторического процесса носит вероятностный характер.*

Темп исторического времени резко возрастает и становится весьма неравномерным. Историческое время движется как бы скачками. Становится возможным даже такой парадоксальный режим, когда историческое развитие начинает происходить в соответствии не с одним, а с несколькими виртуальными сценариями параллельно. Очевидно, в этом случае с точки зрения синергетики можно говорить, что многомерным становится само время.

Синергетический подход позволяет в принципе *строить теоретические модели таких процессов*, используя многофакторное и многомерное приближение. Важное преимущество такого подхода состоит в том, что в число параметров регулирования могут быть включены факторы, учитывающие курс проводимых реформ. И, следовательно, процесс прохождения зоны бифуркации и перехода к оптимальному эволюционному сценарию *может быть взят под контроль.*

Таким образом, синергетический взгляд на ход истории означает, что наше *будущее многовариантно*, но не predetermined, непреложного фатума либо железной необходимости однозначного эволюционного вектора не существует, а выбор нашей судьбы в значительной мере *зависит от нас самих*, от нашего разума, чувства ответственности перед будущим и от нашей воли.

Лесков Л.В. Нелинейная Вселенная: новый дом для человечества. М., 2003. С. 51–59.

3. Природа социальных противоречий. Эволюция и революция в общественной динамике

Вопросы и задания:

1. В чем состоит смысл понятий эволюции и революции применительно к общественной динамике?

Проблема источника общественного развития тесно связана с проблемой статуса эволюции и революции в общественной динамике. В литературе часто их противопоставляют, связывая эволюцию с постепенными, в своей основе количественными изменениями, которые не ведут к качественному изменению всей системы, а революцию – с глубинными и коренными изменениями качества системы в целом. Это противоречие применительно к социально-историческому развитию выразилось в противопоставлении двух путей изменения общества: *эволюционного* (оцениваемого его противниками как «плоский», реформаторский эволюционизм, далекий от социального прогресса) и *революционного*, рассматриваемого его оппонентами, соответственно, как социальный радикализм, основанный на насилии и дестабилизации общества.

Социальная революция определяется как событие (процесс), повлекший за собой коренные изменения в жизни общества, выражающиеся в смене социального строя. Интересно, что термин «революция» пришел в новоевропейскую лексику из астрономии, где он означал обращение небесных тел по орбитам, и первоначально философский смысл понятия социальной революции был связан с возвращением, *реставрацией* утраченного социального порядка – одно из первых упоминаний касалось возвращения монархии Стюартов после кромвелевской диктатуры. Современное понимание термина связано с Великой французской революцией. Социальные революции обусловлены многими обстоятельствами объективного и субъективного характера. Поскольку они ведут к радикальным изменениям и дестабилизации общества, для рядового человека революции всегда означают серьезные испытания и лишения. Поэтому предпочтительным для него является развитие на основе реформ, используя которые можно планомерно и поступательно осуществлять качественное преобразование общества в его же интересах.

Путь социальных реформ важен для человека потому, что он позволяет избежать насилия над личностью, которое сопровождает происходившие в обществе революции. Насилие характерно для нелегитимных форм господства и способно порождать ответное насилие, не решая вызвавших его проблем. Путь их решения является предметом *концепции ненасилия*, истоки которой присутствуют в принципах «ахимса» (почитания всего живого) и «у-вэй» (недеяния) древневосточной философии, «благоговения перед жизнью» европейца А. Швейцера, а создание связано с именами Л. Толстого, М.Л. Кинга, М. Ганди. Деятельность последнего, сумевшего сплотить различные национальные движения в Индии, способствовала провозглашению ее независимости в 1947 г., показав эффективность политики, проводимой на основе философской концепции ненасилия.

Тем самым отличительной особенностью императива ненасилия является ориентация человека не на бездействие и

фаталистическое упование на прогрессивную логику истории, а на формирование у него активной жизненной позиции и социально-нравственной установки на конструктивную деятельность во имя гуманистических идеалов.

4. Проблема субъекта и движущих сил исторического процесса. Роль народных масс и личности в истории. Концепции элит

Вопросы и задания:

1. В чем заключается отличие понятий субъекта и движущих сил исторического процесса?
2. Каковы решения и их суть о роли народных масс и личности в истории?

В краткой формулировке суть поставленной проблемы о субъекте и движущих силах исторического процесса можно выразить так: *Кто* творит историю?, *Кто* меняет историческую реальность? Поиск ответов на эти вопросы предполагает обращение к понятиям субъекта истории и ее движущих сил. Эти понятия близки, но не тождественны. *Субъект истории* влияет на исторический процесс осмысленно; он осознает свои интересы, способен к постановке социально значимой цели и подбору средств для ее достижения. Воздействие *движущих сил* на историю, как правило, неосознанно: способные к кардинальному изменению социальной ситуации, они либо направляются бессознательными внутренними импульсами, либо становятся объектом манипуляций и средством для достижения целей, поставленных историческими субъектами.

Существует несколько подходов к пониманию *роли личности и народа в истории*. Один концептуальный подход

связан с постановкой ставшего классическим вопроса о роли масс и великой личности в истории и имеет два принципиальных решения. В первом решении в качестве творцов истории рассматриваются *великие личности* (вожди, правители, герои, лидеры) на том основании, что именно их деяния и принятые ими решения меняют поступь истории и запечатлеваются в исторической памяти человечества.

Такое решение вопроса имеет много сторонников и получило широкое распространение, в частности, среди мыслителей французского Просвещения XVIII в. Этот подход можно обозначить как *героический детерминизм* (Т. Карлейль, Н.К. Михайловский, П.Л. Лавров и др.).

Во втором решении субъектом и решающей силой общественного развития выступают *народные массы*. Именно народ творит историю – такой вывод делают деятели Великой французской революции Г. Бабёф, О. Бланки, французские историки и утопические социалисты XIX в., а также представители классического марксизма. Более того, К. Маркс и Ф. Энгельс сформулировали закон возрастания роли народных масс в истории: «вместе с основательностью исторического действия будет, следовательно, расти и объем массы, делом которой оно является». Аргументом в пользу такого признания является то, что именно народ, во-первых, выступает главной производительной силой, создающей материальные блага, необходимые обществу; во-вторых, представляет силу, реально преобразующую общество, и, в-третьих, формирует духовную культуру, способствующую преемственности в развитии общества. Что же касается осознания собственных интересов и целей, то, исходя из марксистской трактовки, здесь проявляется роль великой личности, которая, по словам Г.В. Плеханова, «видит дальше других и хочет сильнее других». Она выдвигается народом, способствует осознанию им своих интересов и целей и организует массы для достижения последних.

Третье решение является компромиссным и указывает на необходимое сочетание роли личности и народных масс в истории. Г. Гегель указывает на наличие двух типов личности: личностей «воспроизводящих», преследующих частные цели, и личностей «всемирно-исторических», жизненные цели которых соответствуют *объективной логике* истории. Тем самым всемирно-исторические личности (А. Македонский, Ю. Цезарь, Наполеон Бонапарт) вносят решающий вклад в «переломные» периоды развития общества.

Еще один *подход* к решению рассматриваемой проблемы лежит в основе *концепции элитизма*, которая оформляется в конце XIX – начале XX в. и получает распространение в современном обществознании. В этой концепции, создателями и классическими представителями которой являются итальянские социологи В. Парето, Г. Моска и немецкий политический философ Р. Михельс, общество подразделяется на две неравные части, меньшую из которых составляет элита. Ее главный признак ~ способность к сознательному и реальному влиянию на общественную жизнь, поэтому она выступает в роли субъекта исторического развития общества. Причем формирование ее, как отмечает Р. Михельс, – естественный процесс, так как общество не может существовать без организации, а элита обеспечивает эту организацию, будучи сама структурированным меньшинством, которому масса вверяет свою судьбу.

Поскольку общество многообразно, существуют такие виды элит, как политическая, экономическая, военная, культурная, церковная и т. д. Но так как в своей динамике общество изменяется и периодически возникают новые ситуации, то в каждой его сфере занимают определенную нишу ждущие своего прихода к власти несколько элитарных групп. В частности, говоря о политической жизни общества, в которой периоды стабильности и нестабильности чередуются, В. Парето выделяет два главных типа элит, последовательно сменяющих друг друга: «львов» и «лис». Для элиты «львов» характерно использование силовых методов

правления, «лисы» же – мастера комбинаций и интриг, цель которых – достижение консенсуса между противоборствующими силами. *Преобладание «лис»* в политических силах ведет к росту *коррупции*, «львов» – к *бюрократизации*, поэтому в идеале эти политические элиты должны сосуществовать в государстве одновременно.

В целом для общества характерна циркуляция элит, и даже революция, как отмечает В. Парето, – лишь борьба элит, маскируемая под право говорить от имени народа. Аналогичную мысль высказал и Б. Шоу, констатируя, что революции «никогда не помогали скинуть бревно тирании. Максимум, что они могли, – это переложить его с одного плеча на другое». Следовательно, неэлита (масса) может выступать в роли движущей силы, но не субъекта истории.

Последний подход в решении поставленной проблемы связан с анализом феномена *массы* (толпы), негативное воздействие которой на общественные события просматривается на всем протяжении всемирной истории. Оно являлось предметом обсуждения еще в древней Греции (охлократия как власть толпы), а целенаправленное изучение этого феномена началось в XIX в. и было продолжено в XIX–XX вв. в работах Г. Тарда, Г. Лебона, Ф. Ницше, З. Фрейда, Х. Ортега-и-Гассета, Э. Канетти и других мыслителей. Они отмечали такие особенности толпы, как восприимчивость к внушению, готовность к импульсивным действиям, возникновение стадного инстинкта, бездумное следование за лидерами и т. д. Такая оценка нашла отражение в современных концепциях «массового общества», для которого характерны стандартизация производства и образа жизни, бюрократизация, культ потребления, конформизм, массовая культура, претензия «человека массы», для которого эти ценности являются главными, на их диктат всему обществу. Очевидно, что рассматривать толпу (массу) в качестве субъекта, «творца» истории также неправомерно.